

Хэ Яньчжэнь украдкой чмокнул его и, испугавшись, что Хэ И разозлится прямо на месте, пулей умчался с места преступления. Заскочив в спальню, он рухнул на кровать и зарылся пылающим лицом в подушку.

Какое же счастье!

У Хэ И нет парня!

Душа у Яньчжэня пела. Он в восторге ворочался на постели, как вдруг уловил тонкий аромат, исходящий от наволочки, — едва заметный, чистый запах недорогого шампуня из супермаркета, которым пользовался Хэ И.

Вчера Яньчжэнь поленился: перестелил только простыню, а наволочку и пододеяльник менять не стал. Вот почему наволочка всё еще оставалась прежней — той самой, на которой спал Хэ И.

Именно из-за этого он всю прошлую ночь ворочался без сна. Он полдня провёл в дороге, да еще и нервничал без конца — безумно боялся, что Хэ И обо всём догадается. К моменту, когда удалось лечь, он уже буквально валился с ног от усталости.

Но стоило погасить ночник и закрыть глаза, растворяясь в темноте, как этот знакомый, родной запах окутал его с головой.

Яньчжэнь затаил дыхание. Словно верующий, внезапно обретший благодать, он лежал замерев, а сердце его колотилось как безумное.

Он прикрыл глаза и беззвучно, глупо улыбался, пока глубокой ночью не вспомнил про воображаемого парня Хэ И. В то же мгновение всё блаженство разом улетучилось, оставив лишь горький привкус. Ему показалось, что это мимолётное счастье он просто-напросто украл.

С самого вчерашнего дня Хэ И допытывался, сколько он здесь пробудет, но Яньчжэнь уклонялся от ответа. Внутри него шла нешуточная борьба: безумно хотелось побыть с Хэ И подольше, но в то же время он панически боялся навлечь на себя недовольство чужого парня. На чувства этого гипотетического соперника ему, разумеется, было плевать, но расстраивать Хэ И он не хотел.

Но кто же знал, что никакого парня нет и в помине!

Яньчжэнь тихонько прыснул. Немного успокоившись, он уже собрался выйти в гостиную и во всём признаться, как вдруг, приподняв голову, так и застыл: на наволочке красовались два огромных ярко-красных пятна.

Хэ Яньчжэнь:

—!!

Он так и обмёрз. Опустив взгляд, он увидел, что простыня и его собственная футболка тоже покрылись зловещими алыми брызгами.

— Твою мать! — заорал Яньчжэнь, пулей вскакивая с кровати. — Я что, кровью истекаю?!

Спустя пять минут Яньчжэнь уже полулежал на диване в позе сдающегося в плен: голова закинута назад, руки подняты, а в обе ноздри воткнуты плотные бумажные турунды. Хэ И тем временем запихал испачканную наволочку и простыню в стиральную машину и с обречённым видом понёс подушку в ванную.

До этого, когда Яньчжэнь чмокнул его и сбежал, Хэ И стоял посреди комнаты, ощупывая губы и гадая, не разбил ли их этот оболтус, как вдруг из спальни донёсся истошный вопль.

Хэ И бросился туда. В ту же секунду навстречу ему выскочил Яньчжэнь, зажимавший нос ладонью. Кровь хлестала сквозь пальцы, заливая щеки и одежду — от этого зрелища у Хэ И едва сердце не остановилось.

Они долго возились в ванной, пытаясь остановить кровотечение, но тут Яньчжэнь начал терять сознание — стоило ему увидеть кровь, как его повело. Пришлось Хэ И вести его под руки к дивану.

Когда Хэ И наконец вернулся в спальню, спасти постель было уже поздно. Дешёвая наволочка, купленная по распродаже в супермаркете, оказалась слишком тонкой. Она не смогла сдержать столь мощный поток, и кровь пропитала наперник, окрасив добрую половину подушки в багровый цвет.

— Да брось ты, не стирай... я куплю новую, — пробормотал Яньчжэнь. Он скосил глаза на Хэ И, случайно наткнулся взглядом на окровавленный ком ткани и тут же зажмурился. — Братец, мне дурно...

— Раз дурно, лежи и не верти головой, — вздохнул Хэ И, подставляя подушку под струю воды.
— Надо же, ты боишься крови?

— Не знаю, считается ли... — слабо покачал головой Яньчжэнь. — Чужая мне безразлична. Я только от своей отключаюсь.

Хэ И лишь покачал головой.

— В детстве я как-то подрался, — пустился в воспоминания Яньчжэнь. — Расквасил парню нос, гордый такой стою, кричу однокласснику: «Гляди, как я его уделал!» А тот присмотрелся и говорит: «Идиот, это твоя кровь, у тебя рука разодрана». Я как это услышал — так на месте и

брякнулся в обморок.

Хэ И только вздохнул.

Пятно на подушке посветлело, но из-за толщины наполнителя сохнуть она теперь будет целую вечность. Да и чистой сменной постели для Яньчжэня в доме больше не осталось.

Сверившись с часами, Хэ И понял, что нужно срочно бежать в магазин, пока тот не закрылся.

— Кровь-то унялась? — спросил Хэ И, вытирая руки полотенцем и возвращаясь в комнату.

— Кажется, да, — Яньчжэнь приоткрыл глаза и виновато покосился на него. — Ты... не злишься?

Решив, что речь идёт о том внезапном поцелуе, Хэ И мгновенно напрягся. Сердце предательски подскочило к самому горлу. Он поспешно отвёл взгляд и буркнул:

— С чего бы мне злиться?

— Ну, я же всю постель испоганил, — покаялся Яньчжэнь с самым несчастным видом. — Сам не знаю, как так вышло. Я честно ни о чём таком не думал! Наверное... кровь молодая заиграла?

Готовый разразиться гневной тирадой, Хэ И так и замер с открытым ртом. Возразить на это было решительно нечего.

Заметив, как помрачнел Хэ И, Яньчжэнь испугался, что тот действительно в ярости, и поспешил загладить вину:

— Слышишь, я тебе сейчас тоже карточку напишу...

— Да помолчи ты уже! — сердито оборвал его Хэ И. Сходя в спальню за курткой, он начал натягивать её на ходу, ворча под нос: — У тебя нос кровит от сухости, дубина.

— А? — опешил Яньчжэнь.

— Что «а»? — Хэ И раздражённо звякнул ключами и проверил телефон. — У тебя в комнате кондиционер пашет без остановки, воздух сухой как в пустыне. Ладно, я в магазин. Заодно куплю чего-нибудь перекусить. А ты пока налей в таз воды и поставь у кровати, полегчает.

Обувшись, он уже взялся за дверную ручку, но помешкал и обернулся:

— Будет нужно — звони. И если кровь опять пойдёт, сразу дай знать.

— Ты уходишь? — Яньчжэнь преданно уставился на него. — Может, я с тобой?

— Еще чего. Сиди дома и не высывайся.

Ответный жалобный стон Яньчжэня заглушил щелчок замка.

Оказавшись на лестничной площадке, Хэ И покачал головой — эта детская обида вызвала у него невольную улыбку, разбавленную, впрочем, глухой болью в челюсти.

Он аккуратно провёл кончиком языка по нёбу и поморщился от резкой боли. Так и есть, содрал кожу. И откуда в этом парне столько дури?

Вздохнув, Хэ И спрятал телефон в карман и не торопясь двинулся по темной заснеженной улице.

Он не взял его с собой не только из-за боязни нового приступа кровотечения. Ему жизненно необходимо было побыть наедине со своими мыслями.

Всё, что произошло за этот вечер, казалось полным абсурдом. Хэ Яньчжэнь... влюблён в него? Но за какие грехи?

Хэ И никогда не питал иллюзий на свой счет. Да, он умел зубрить и сдавать экзамены, но в делах сердечных от этого таланта толку было чуть.

Даже рядом с Чжэнь Кайнанем он постоянно чувствовал себя ущербным, хотя с тем они хотя бы проводили вместе круглые сутки. А с Яньчжэнем? Неужели всё из-за тех двух часов занятий в день? Или парень просто привык преклоняться перед отличниками, и это слепое восхищение чужим интеллектом он ошибочно принял за... любовь?

Ледяной ночной ветер обжёг лицо, заставив Хэ И вздрогнуть. И тут его осенило: Яньчжэнь ведь напрямую ничего не предлагал. Он не заикался о свиданиях или отношениях.

Вдруг эта его выходка с требованием «награды» — такая же уловка, как и туманные обещания Чжэнь Кайнана вроде «давай начнем встречаться попозже»? Если он сейчас полезет с расспросами, а окажется, что снова всё не так понял, позора будет не обернуться.

Да и если рассудить здраво: какая разница, что у Яньчжэня на уме? Он ведь уезжает за границу. Их пути разойдутся навсегда. Так не лучше ли провести оставшиеся два дня без лишних драм, легко и просто?

Хэ И шумно выдохнул, прогоняя наваждение, и ускорил шаг, направляясь к супермаркету.

Ближайший к дому магазинчик был крошечным, но всё необходимое там нашлось. Сначала Хэ И заглянул в отдел кулинарии за готовым ужином, затем перебрался в секцию домашнего текстиля. Вспомнив, что Яньчжэнь разгуливает по квартире в летней футболке и шортах, он прихватил для него комплект тёплой пижамы свободного кроя и пару мягких домашних тапочек.

Оплачивая покупки на кассе, Хэ И невольно поморщился от итоговой суммы — жаба душила немилосердно. Но Яньчжэнь привык жить на широкую ногу, и Хэ И не хотелось, чтобы гость чувствовал себя обделённым в его скромной берлоге.

Сжимая в руках тяжёлые пакеты и зажав под мышкой новенькую подушку, он припустил к дому. Когда в кармане зазвонил телефон, Хэ И сразу подумал, что Яньчжэнь извёлся от скуки. Он выудил трубку и ответил с мягкой, невольной улыбкой.

Но из динамика раздался чужой, глубокий мужской голос:

— Сяо И, ты что же, на Новый год даже бабушку не наведишь?

Хэ И замер. Отняв телефон от уха, он глянул на экран — номер был незнакомым.

Ми Чжунцзюнь уже объявлялся на Праздник середины осени. Тогда он звал его на семейный обед в свой роскошный особняк в элитном квартале Бэйчэна.

Хэ И, конечно, не поехал. Но ради любопытства заглянул на сайт недвижимости: цены на дома в том районе начинались от двадцати миллионов юаней.

Ирония судьбы: в тот самый день Хэ И забыл дома термос и, когда в библиотеке его замучила жажда, пожалел один юань на бутылку минералки — просто пошел в туалет и напился из-под крана.

— С удовольствием! — оскалился тогда в трубку Хэ И. — Тебе какой способ самоубийства больше по душе? Назови, я всё подготовлю. Отправимся на тот свет вместе, порадуем маму воссоединением семьи.

Леденящий тон сына тогда напрочь лишил Ми Чжунцзюня дара речи. Придя в себя, он разразился гневной тирадой о том, что яйца курицу не учат и детям не понять взрослых проблем.

Он читал нотации, заявляя, будто брак — это сугубо экономический инструмент для защиты капитала, а вовсе не союз любящих сердец. Мол, если бы Хэ И вовремя это осознал, отец выделил бы ему приличную долю наследства, избавив от необходимости вкалывать до конца

жизни.

Под конец Ми Чжунцзюнь тонко намекнул, что водит дружбу с руководством университетской клиники Университета А, и при случае может замолвить словечко за сына.

При медицинском факультете Университета А числилось несколько больниц. О какой конкретно шла речь, Ми Чжунцзюнь не уточнил, но скрытая угроза в его словах читалась предельно ясно.

Кнут и пряник, лесть и шантаж — Ми Чжунцзюнь не зря так рано выбился в люди и занял высокий пост. Коварства ему было не занимать.

Но Хэ И хорошо помнил напутствие завуча, полученное перед выпуском: «Не позволяй тени своего отца отравить твою жизнь».

— Я не собираюсь работать в университетской клинике, — отчеканил тогда Хэ И. — Перед поступлением я навел справки: выпускников нашего стоматологического с руками и ногами отрывают в частные центры, где платят втрое больше, чем в твоих госучреждениях. Так что закатай губу, Ми. Твои дешевые угрозы на меня не действуют. И разыграть меня как козырь у тебя не выйдет.

Раскусив его мотивы, Ми Чжунцзюнь взбесился:

— Думаешь, фамилию сменил — и всё, концы в воду?! Да будь ты хоть трижды гением, ты моя плоть и кровь!

— Твоя кровь гроша ломаного не стоит, — припечатал Хэ И. — Что за радость гордиться генами ублюдков и предателей?

Высказав всё, Хэ И заблокировал номер. И вот, не прошло и полугода, как неугомонный папаша раздобыл новую симку и снова лезет со своей фальшивой заботой.

Чего он добивается? Всё предельно просто: сын поступил в престижнейший Университет А, грех не похвастаться перед коллегами. К тому же Хэ И уже совершеннолетний. Если у нужных людей найдутся незамужние дочери, Ми Чжунцзюнь без колебаний выставит его на торги, как породистого жеребца, ради очередного повышения.

— Навестить старуху? С радостью, — ровным голосом ответил Хэ И. — Вот как ты сдохнешь, я обязательно приеду к ней на поминки и выражу свои глубочайшие соболезнования.

Не дожидаясь ответа, он нажал на отбой и привычным жестом отправил номер в бан.

На черном небе тускло мерцали холодные звезды. В старых дворах фонари почти не горели, и единственным ориентиром служили редкие полосы теплого света, падающие из окон жилых домов.

Но в канун праздников люди занавешивали окна поплотнее, так что улица тонула в глубоком полумраке.

Спустившись во двор, Хэ И опустился на обледенелую каменную скамью. Ему нужно было перевести дух. Немного успокоившись, он подтянул к груди колени, обхватил их руками и, уткнувшись подбородком в локти, поднял глаза на темные фасады.

Он принялся разглядывать светящиеся прямоугольники окон, начиная с самого верхнего этажа, гадая о жизни людей за стеклом.

«Сколько их там? Чем они заняты? Наверное, хлопчут у плиты...»

«Соберутся ли после ужина у телевизора? Укладывает ли мама капризного малыша? А может, у них живет забавный пушистый пес?»

Где-то в темноте уныло стрекотал сверчок. Хэ И вяло подумал: то ли это чей-то сбежавший питомец, то ли предсмертный плач последнего уцелевшего в зимние холода насекомого.

Ему вдруг захотелось встать и отыскать этот звук. Он поднялся, но в ту же секунду его взгляд выхватил из темноты высокий силуэт в светлом пуховике, стремительно приближающийся к нему.

Оставшись в одиночестве, Яньчжэнь послушно лежал на диване, закинув голову. Вскоре головокружение прошло, кровь унялась, и парень заерзал от нетерпения. Мысль о том, чтобы пойти искать Хэ И, крепла с каждой минутой.

Вот только в какой именно магазин тот ушел, он понятия не имел. К тому же ключей у него не было — не оставлять же квартиру распахнутой настежь.

От нечего делать он принялся слоняться по гостиной, словно щенок, изучающий новые владения в отсутствие хозяина: присаживался то на один стул, то на другой, трогал безделушки на полках... Так, изнывая от скуки, он доплелся до кухни.

Заглянув туда мимоходом при входе, он не разглядел деталей. Теперь же, устроив ревизию, Яньчжэнь с удивлением обнаружил, что конфорка плиты не зажигается, в шкафу сиротливо ютятся единственный надколотый глиняный горшок, в углу валяется пустая бутылка из-под масла, и только солонка набита доверху.

Больше в этой стерильной чистоте не было абсолютно ничего съедобного — ни единой увядшей травинки.

Яньчжэнь растерянно почесал в затылке.

С самого его приезда они питались исключительно в забегаловках или брали готовую еду на вынос. Но Яньчжэнь, избалованный домашней стряпней семейной кухарки, терпеть не мог общепит — брезговал сомнительной гигиеной и пресной едой.

Когда Хэ И перед уходом зашел на кухню, Яньчжэнь было воспрянул духом, надеясь на домашний ужин, но реальность оказалась суровее.

При всей бережливости Хэ И, пустота на кухне могла означать лишь одно: готовить парень не умел от слова «совсем».

Цыкнув сквозь зубы, Яньчжэнь достал смартфон и принялся лихорадочно листать каталог службы доставки.

Его мать, госпожа Лян, к плите принципиально не подходила, а вот сам Яньчжэнь готовить умел — домработница лично обучила его всем кулинарным премудростям. Когда та уезжала в отпуск к себе в деревню, кухонные обязанности полностью ложились на плечи сына.

Накидав в корзину привычный набор сковород, кастрюль, свежих овощей и специй, он вспомнил про сухость воздуха и до кучи заказал ультразвуковой увлажнитель.

В это время в Бэйчэне его мать отдыхала с книгой. Бесконечные оповещения о списании средств с привязанной карты начали откровенно её раздражать. Взглянув на перечень покупок, госпожа Лян округлила глаза и тут же набрала сына.

— Тебе зачем сковородки понадобились посреди ночи? — недоумевала она.

— Как зачем? Готовить, — невозмутимо отозвался Яньчжэнь. — Хэ И у плиты полный ноль, у него дома даже ковшика завалящего нет.

— И обязательно скупать весь ассортимент? — хмыкнула мать. — По списку продуктов можно подумать, что ты там новогодний банкет планируешь.

Парень замер, пораженный внезапной догадкой. А ведь это мысль!

— Как устроился-то? — продолжала расспросы госпожа Лян. — Долго еще там проторчишь? Да, кстати, заходил Ми Лу. Я сказала, что ты уехал отдыхать.

Но Яньчжэнь уже зацепился за идею совместного праздника.

— Мам, а можно я здесь на Новый год останусь? — нерешительно спросил он.

Госпожа Лян опешила:

— В каком смысле? С какой стати тебе встречать праздник в чужом доме?

— Хэ И живет один, — пояснил сын.

Только сейчас, после слов матери, до него дошло, что Хэ И предстоит встречать праздник в полном одиночестве. Одиноким зимний отпуск для парня, который не умеет готовить и экономит на каждой мелочи, казался Яньчжэню верхом тоски.

— Его бабушка уехала к отцу, отопления в квартире нет. Он только из-за меня кондиционер включил, чтобы хоть как-то согреться, — зачастил Яньчжэнь. — Я побуду с ним. Буду следить, чтобы он не экономил на электричестве, да и готовить ему стану.

На том конце провода повисла тяжелая пауза.

Чем больше Яньчжэнь говорил, тем логичнее ему казались собственные доводы. Наконец мать вздохнула:

— Яньчжэнь, для нашей культуры Новый год — семейный праздник. Мне, конечно, хотелось бы видеть тебя дома. Но ладно, это мы еще обсудим. Сначала ответь мне на один вопрос.

— Какой?

— Тебе не кажется, что ты слишком... печешься о Хэ И? — осторожно спросила она. Было очевидно, что материнское чутье уловило неладное. — Я ничего не имею против этого мальчика, но твоё поведение выходит за рамки обычной дружбы. Между вами...

Яньчжэнь рос в атмосфере доверия и редко врал родителям.

Однако сейчас дело касалось Хэ И, и признание могло всё испортить. Любые родители инстинктивно защищают своего ребенка, и в случае чего виноватым в их глазах останется именно его репетитор.

Лихорадочно соображая на ходу, Яньчжэнь поспешил дать задний ход:

— Да брось, мам, ничего такого между нами нет.

— Ты хоть понял, на что я намекаю? — скептически хмыкнула госпожа Лян.

— Конечно, — зазвучал максимально непринужденно парень. — Беспокоишься, как бы я не ввязался в глупые отношения перед экзаменами? Можешь не переживать. Хэ И мне за это каждый день плешь проедает. Твердит, что никакой личной жизни до конца выпускного класса, только учеба. Говорит, он душу в меня вкладывает не для того, чтобы я всё провалил из-за гормонов.

Госпожа Лян снова замолчала, обдумывая услышанное.

— Да, я знаю, — наконец мягко произнесла она. — Хэ И действительно удивительный преподаватель.

Ей доводилось видеть аккуратные конспекты и индивидуальные карточки ошибок, которые Хэ И составлял для её сына. Не раз она стояла у двери спальни, вслушиваясь в процесс обучения. Как-то раз, объясняя тему по классической литературе, Хэ И даже зачитывал стихи на древнекитайском диалекте — просто чтобы увлечь ленивого ученика.

Госпожа Лян была глубоко тронута. Нанимая Хэ И, она преследовала благую цель — помочь талантливому, но бедному студенту. Она и представить не могла, что парень отнесется к своей работе с таким фанатичным усердием.

Но именно эта преданность заставляла её беспокоиться. В общении с её сыном со стороны Хэ И сквозило настойчивое желание отработать каждый грош, граничащее со скрытой робостью и заискиванием.

Вот только Яньчжэнь всех этих тонкостей не замечал.

Его внезапный побег в Фэнчэн насторожил мать с самого начала, а теперь этот барчук рвется стоять у плиты и заявляет о желании остаться там на все праздники...

Ей было тревожно за сына — не хотелось, чтобы его пылкие чувства разбились о суровую реальность. Но не меньше ей было жаль и Хэ И: вдруг тот уступит напору её избалованного чада из чувства долга?

Мать устало вздохнула и произнесла:

— Яньчжэнь, ты ведь понимаешь, как низко выглядит шантаж собственной благотворительностью?

Яньчжэнь промолчал.

«Если бы этот трюк работал, я бы давно им воспользовался, — сокрушался он про себя. — Но Хэ И плевать хотел на долги. В прошлый раз я попытался пойти на сближение, и меня сразу же отшили...»

— Хэ И не из таких, — глухо отозвался он. Сдержав вздох, он добавил серьезным тоном: — И я, к твоему сведению, тоже.

У госпожи Лян шла кругом голова. Однако она понимала: юношеский максимализм — вещь опасная, и излишнее давление со стороны родителей сделает запретный плод лишь слаще.

— Поступай как знаешь, — сдалась она. — Мое дело — предупредить. Главное, не кусай потом локти. Так ты, получается, передумал ехать за границу?

Их разговор затянулся на добрых полчаса.

Наконец попрощавшись с матерью, Яньчжэнь глянул на часы — Хэ И всё еще не было. Попытка набрать его номер успехом не увенчалась: длинные гудки уходили в пустоту.

Он устроился на диване, не выпуская мобильник из рук. Вскоре раздался короткий сигнал — мать прислала крупную сумму на карманные расходы. В сопроводительном сообщении она наказывала ни в коем случае не позволять Хэ И платить за него, а после праздников предложила обоим приехать в Бэйчэн, благо семейный дом пустует.

Это было завуалированное благословение.

Черкнув быстрое «Спасибо, мам!», Яньчжэнь облегченно выдохнул. Ему нетерпелось поделиться новостью с Хэ И. Минуты тянулись невыносимо медленно, Хэ И не возвращался, и в конце концов парень натянул пуховик прямо на домашнюю одежду и поспешил вниз.

Зимняя ночь в Фэнчэне встретила его крошечной тьмой и пронизывающей стужей. Натягивать вчерашние джинсы было лень, поэтому Яньчжэнь выскочил на улицу в легких шортах под длинным пуховиком. Стоило переступить порог подъезда, как ледяной сквозняк безжалостно впился в голые лодыжки.

Он подпрыгнул на месте, пытаясь согреться, но, подняв взгляд, замер. Буквально в десяти шагах от него на обледелой каменной скамье сидел Хэ И, поджав под себя одну ногу, и отрешенно смотрел в пустоту.

— Ты чего тут застрял? — Яньчжэнь подбежал к нему, шумно выдыхая белые облачка пара.

— А? — Хэ И вздрогнул, его взгляд медленно обрел осмысленность. — Да вот... слышалось, будто сверчок поет. Заслушался.

— Сверчок? — Яньчжэнь завертел головой и прислушался к зимней тишине. — Глупости, нет тут ничего.

— Спугнул, наверное, — вздохнул Хэ И. — Ты-то чего выскочил?

— Соскучился, — просто сказал Яньчжэнь, заглядывая ему в лицо. — Боялся, что до следующего года тебя не увижу.

Хэ И растерянно моргнул, только сейчас вспомнив про пакеты в руках.

— Ой, точно, я же в магазин... — Бормоча извинения, он попытался резко подняться, но едва перенес вес на правую ногу, как острая, колющая волна онемения прошла конечность от бедра до кончиков пальцев. Хэ И судорожно выдохнул: — Черт... нога затекла.

— Да сколько ты тут высиживал? — покачал головой Яньчжэнь.

Заметив, как посинели губы Хэ И от холода, он быстро поднял с земли пакеты и вручил их парню, а сверху бесцеремонно нахлобучил объемистую подушку.

Хэ И послушно обхватил весь этот ворох вещей, не понимая, что происходит. В следующую секунду сильные руки обхватили его под мышки со спины, оторвали от земли и легко, словно пушинку, подняли в воздух!

— Эй! — в панике закричал Хэ И, заболтав в воздухе ногами. — Ты что творишь?!

— Бип-бип! Детский паровозик прибыл на станцию. Прямо поедem или за угол свернем? — Яньчжэнь рассмеялся, делая пару шагов в сторону. — Видимость у паровозика нулевая, штурман, прокладывай маршрут!

— Хэ Яньчжэнь, мать твою! — взвыл Хэ И, пытаясь вырваться.

Но тот лишь утробно рассмеялся, перехватывая его поудобнее:

— Братец, да ты почти ничего не вешишь! Надо будет как-нибудь сфотографироваться с такой поддержкой.

Хэ И готов был провалиться сквозь землю от неловкости. Обвешанный пакетами и зажавший подушку, он боялся сделать лишнее движение, чтобы не выронить покупки. Но больше всего

его поразила нечеловеческая сила Яньчжэня — шутка ли, так запросто тащить на руках парня ростом под метр восемьдесят!

— Я тебе устрою поддержку! С рук сойду — убью! — бушевал Хэ И. — Шагай прямо! Левее! Куда тебя несет, справа стена! Осторожно, дерево зацепишь! — Сам не замечая, как поддался этой глупой игре, он не выдержал и звонко расхохотался.

Внезапно на втором этаже распахнулось окно, и раздраженный мужской голос рявкнул на весь двор:

— Эй, придурки! Время видели? А ну завалите пасти!

Яньчжэнь среагировал мгновенно: одной рукой удерживая Хэ И, другой он ловко натянул ему капюшон на самые глаза, скрывая лицо, и стремительно ворвался в подъезд, где наконец опустил свою ношу на бетонный пол.

Под потолком с тихим щелчком вспыхнула тусклая лампочка. Они переглянулись и, запыхавшиеся, залились безудержным смехом.

— Ну и детский сад, — выдохнул Хэ И, в шутку пихнув его подушкой в грудь. — Сколько тебе лет, а всё в лошадки играешь.

Яньчжэнь поймал подушку, но промолчал. Его лицо вдруг стало серьезным. Он протянул руку и аккуратно откинул назад капюшон с головы Хэ И.

Хэ И замер, невольно задрал голову.

У Хэ И были удивительные глаза — миндалевидные, глубокие, с поразительно чистыми, контрастными белками. Когда он смотрел на кого-то вот так, снизу вверх, казалось, будто сам воздух вокруг очищается. А когда улыбался, веки изящно сужались, прорисовывая мягкую складочку, придававшую его улыбке особую открытость.

Коснувшись подушечкой большого пальца внешнего уголка его глаза, Яньчжэнь негромко спросил:

— Братец, тебя сегодня кто-то расстроил?

Хэ И приоткрыл рот, но нужные слова не шли на ум.

— Зато я безумно рад, — прошептал Яньчжэнь. Его ладонь скользнула ниже, нежно очертив скулу и согревая холодную щеку Хэ И теплом своей кожи. — Хочу поделиться этим с тобой.

Хэ И затаил дыхание, собираясь ответить, как вдруг подъезд погрузился во тьму.

Погасла лампочка датчика движения.

В тот же миг Яньчжэнь собственническим жестом перехватил его за затылок, рванул к себе и накрыл его губы требовательным, горячим поцелуем.

<http://bllate.org/book/19702/1985559>